

ДЖЕЙМС ПАТТЕРСОН

ДЭВИД ЭЛЛИС

ДЖЕЙМС ПАТТЕРСОН
ДЭВИД ЭЛЛИС

Как ты докажешь свою невиновность, если не помнишь преступления?

Сотрудник полиции Билли Харни оказывается на волосок от смерти. Его напарница и возлюбленная мертва, а он чудесным образом остался в живых. Харни обвиняют в убийстве, но он ничего не помнит. Отчаянно пытаясь защитить свою честь, Билли собирает информацию о том ужасном дне. Он хочет понять, что же тогда произошло, и найти загадочную черную книжку...

«А может, даже лучше, что ты не помнишь... Кто может доказать, что память к тебе не вернулась?.. Никто не может прочесть твои мысли. Если ты говоришь, что помнишь, — значит, помнишь».

Возможно, она права. Возможно, это мой единственный шанс сказать то, что необходимо сказать для того, чтобы спасти свою задницу. Нужно что-нибудь придумать. Что-нибудь правдоподобное. Я способен это сделать, правда? Ну конечно, способен. Я же самый искусный лгун из всех, кого знаю.

ЧЕРНАЯ КНИЖКА

ЧЕРНАЯ КНИЖКА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3839-8

9 786171 238398

**JAMES
PATTERSON
DAVID ELLIS**

THE BLACK BOOK

A NOVEL

**ДЖЕЙМС
ПАТТЕРСОН**
ДЭВИД ЭЛЛИС

ЧЕРНАЯ КНИЖКА

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**
2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
П20

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Little, Brown and Company”,
New York, New York, USA. Все права защищены

Переведено по изданию:
Patterson J., Ellis D. The Black Book : A Novel / James Patterson. —
New York : Little, Brown and Company, 2017. — 448 p.

Перевод с английского *Владислава Ковалива*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-3839-8
ISBN 978-0-316-27388-6 (англ.)

- © James Patterson, 2017
- © DepositPhotos.com / aetb, обложка, 2017
- © Shutterstock.com / Gartman-art, обложка, 2017
- © Unsplash.com / Patrick Tomasso, обложка, 2017
- © Nemiго Ltd, издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

НАСТОЯЩЕЕ

1

Пэтти Харни притормаживает свой автомобиль-седан без опознавательных знаков полиции за два квартала от того места, куда направляется. На местных узких улицах полно патрульных полицейских машин, и свет «мигалок» порождает какой-то хаос в ночном освещении квартала. Тут таких машин штук двадцать — не меньше.

Пэтти припарковывает авто у края проезжей части, надевает на шею шнурок с прикрепленным к нему значком полицейского-детектива, и теперь значок болтается у нее на груди поверх футболки. Воздух на улице необычно холодный для конца апреля. Пэтти, однако, чувствует, что ее то и дело бросает в жар.

Она пробегает один квартал и оказывается перед желтой лентой внешнего периметра. Один из полицейских делает шаг по направлению к ней, чтобы остановить, но, увидев значок, позволяет пройти. Она не знакома с этим полицейским, охраняющим внешний периметр, а он, похоже, никогда не видел ее. Тем лучше.

Она подходит все ближе и ближе. Пот щиплет глаза, а футболка, несмотря на холод, стала мокрой. Нервы сильно напряжены.

Она знает этот многоквартирный дом и нашла бы его без труда, даже если бы рядом с ним не суетились полицейские. Некоторые собрались под навесом, прикрепленным к фасаду. Один из них — такой же, как и Пэтти, детектив — узнает ее, и выражение его лица сразу же смягчается.

— О господи, Пэтти...

Она поспешно устремляется мимо него в вестибюль здания. Со стороны может показаться, что это какие-то похороны, а не

место преступления: полицейские в форме и детективы в гражданской одежде стоят потупив взгляды, выражение лиц у них трагическое, а на глазах — слезы. Некоторые утешают друг друга. А заниматься сейчас нужно совсем другим.

Пэтти идет по вестибюлю к лифту, невольно рыская глазами по сторонам в поиске камер видеонаблюдения (давнишняя привычка, едва не превратившаяся в инстинкт — такой, как, например, инстинкт дыхания), и видит, что в лифте возится группа технических специалистов — членов Управления судебно-медицинских экспертиз: они посыпают поверхности лифта специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки. Пэтти быстренько надевает вместо туфлей кеды и распахивает дверь, ведущую на лестницу. Она знает, что надо подняться на шестой этаж, и понимает, какая квартира ей нужна.

Она идет вверх по лестнице, перешагивая через ступеньку. В груди жжет, ноги слабеют, в животе назревает бунт. Чувствуя головокружение и с трудом пытаюсь не поддаться панике, она останавливается на лестничной площадке третьего этажа — одна посреди хаоса — и, присев на корточки, берет за голову и старается собраться с мыслями. Все тело дрожит, а из глаз каплют слезы, расплывающиеся на бетоне пятнышками.

«Тебе необходимо это сделать», — мысленно уговаривает она себя.

Она преодолевает оставшиеся пролеты лестницы, чувствуя, что в груди по-прежнему жжет, а ноги стали какими-то резиновыми. Наконец она проходит в дверь, ведущую с лестницы на шестой этаж.

Там кипит работа: щелкают фотоаппараты, суетятся специалисты по сбору улики, полицейские в форме допрашивают соседей. Пэтти замечает знакомого судебно-медицинского эксперта Рэмзи.

Она делает шаг, затем еще один, но ей при этом кажется, что она вообще не продвигается вперед, а просто перемещается по кругу в каком-то аттракционе ужасов...

— Туда заходить нельзя.

— Пэтти.

— Детектив Харни. Пэтти!

Кто-то хватает ее за руку. Ее взгляд неспешно — как при замедленном воспроизведении видеозаписи — движется по лицу лейтенанта Визневски, которого все называют Визом. Пышные усы, круглое лицо, сигарный запах...

— Пэтти, я... О господи... Мне очень жаль.

— Он... Он...

Пэтти не может заставить себя договорить.

— Они все, — говорит Виз. — Мне очень жаль, что именно я вынужден сообщить об этом.

Пэтти качает головой и пытается высвободить руку.

— Туда нельзя заходить, Пэтти. Пока еще нельзя.

Виз становится перед ней, преграждая путь к двери.

Она с трудом подыскивает подходящие слова:

— Но я ведь... Я знаю, как... как себя вести на месте преступления.

«На месте преступления». Звучит так, как будто речь идет всего лишь еще об одном акте насилия, с которым она то и дело сталкивается в своей профессиональной деятельности.

— Но не здесь, детектив. Туда пока еще нельзя. Дай нам возможность попытаться... Пэтти, перестань...

Она отбивает в сторону его руки и резко толкает его. Едва удержав равновесие, он хватает ее за плечи.

— Пэтти, пожалуйста, — говорит он. — Никому не пожелаю увидеть своего брата в таком состоянии.

Она смотрит Визу прямо в глаза, почти не видя его и лихорадочно пытаясь до конца все осознать. У нее мелькает мысль, что, возможно, Виз прав и ей не следует смотреть на труп, потому что, если она не увидит брата мертвым, он и не будет для нее мертвым, он не уйдет в мир иной...

Раздается треньканье лифта.

Но ведь он сейчас не эксплуатируется: ребята из Управления судебно-медицинских экспертиз посыпают его специальным порошком. Кто же тогда пользуется лифтом? Наверное, тот, кто может воспользоваться служебным положением и...

«О господи...»

— Пришел начальник следственного управления, — слышится чей-то голос.

Пэтти смотрит поверх плеча Виза.

Высокая, угловатая фигура, характерные большие шаги, орлиный нос, который она, слава богу, не унаследовала...

— Папа, — произносит она. Слово едва не застревает в горле, и она чувствует, как самообладание быстро улетучивается.

К ней приближается отец — начальник следственного управления Дэниел Харни. Он одет в спортивную куртку, наброшенную поверх помятой рубашки, его редешущие волосы не причесаны, а под глазами — темные пятна.

— Малышка, — шепчет он, заключая ее в объятия. — О-о, мой маленький ангелочек.

— Неужели это в самом деле произошло, папа? — выдыхает она ему в грудь, потому что он крепко прижимает ее к себе. Она говорит так, будто снова стала маленькой девочкой, считающей, что ее отец знает ответы на все вопросы в мире.

— Я хочу его увидеть, — говорит отец, но не ей, а Визу.

Он берет дочь за руку, словно бы ведя ее по коридору, и поворачивается к двери.

— Я понимаю, сэр, — говорит Виз, — но это... это не... Крепитесь, сэр.

Отец смотрит на Пэтти, и выражение лица у него очень мрачное: оно — как плотина, удерживающая разбушевавшуюся стихию. Она кивает.

Его голос начинает дрожать, когда он командует:

— Покажите, куда идти, лейтенант.

2

Пэтти что-то выключает у себя в мозгу, а включает совсем другое. Она будет держаться спокойно. Она будет вести себя как детектив, а не как сестра. Она осмотрит место преступле-

ния, а не труп брата-близнеца. Она изо всех сил цепляется за руку отца, который уже направляется в выложенный плитками коридор.

Ей знаком этот коридор. Из него можно попасть в большую гостиную. Налево — маленькая кухня, прямо — спальня и ванная. В общем-то, довольно обычная квартира в высотном многоквартирном доме в Чикаго, но данную конкретную квартиру она знает хорошо. Она уже была здесь.

Первый раз она побывала тут вчера.

В помещении сразу же становится тихо — словно кто-то поднял руку, требуя тишины. Все, кто чем-то занимался — посыпал поверхности специальным порошком, чтобы затем снять отпечатки, или фотографировал, или собирал образцы, или о чем-то разговаривал, — сделали паузу и устали на начальника следственного управления и его дочь (тоже детектива).

Пэтти машинально осматривает все вокруг себя глазами детектива. Не видно никаких следов борьбы в гостиной — самой большой комнате в квартире. Мебель стоит на месте, плитка на полу — блестящая и чистая, и не заметно признаков никакой деятельности, кроме той, которой занимаются сейчас детективы и технические специалисты.

Кто-то некоторое время назад включил кондиционер на полную мощность, а потому воздух здесь стал более свежим и прохладным, и это должно замедлить разложение трупа...

«Разложение трупа. Трупа моего брата».

— Это в спальне, — говорит Визневски, заходя вперед. — Но я не могу пустить вас туда, вы прекрасно понимаете. Вы — ближайшие родственники одного из...

— Я хочу просто взглянуть. Я не буду туда заходить, лейтенант.

Отец Пэтти говорит вроде бы четким и решительным голосом, и она, наверное, единственная из присутствующих, кто замечает в его голосе дрожь.

Пэтти рыщет взглядом по сторонам, но не замечает ничего. Эми содержала квартиру в чистоте. В свое время Пэтти

видела немало попыток замести следы на месте преступления, однако в данном случае нет никаких признаков того, что здесь недавно что-то скребли или разбрызгивали или неудачно пытались вытереть пятна и удалить пылесосом мелкие обломки. Ни в гостиной, ни на кухне — ни малейших следов насилия.

Все произошло в спальне.

Путь в спальню преграждает красная лента, ограничивающая место преступления — его так называемый внутренний периметр.

Отец Пэтти поспешно опережает ее на пару шагов, чтобы иметь возможность заглянуть в комнату первым. Он наклоняется над красной лентой, делает глубокий вдох и поворачивает голову направо, чтобы заглянуть внутрь.

Затем он тут же закрывает глаза и, отвернувшись и затаив дыхание, замирает. Пару мгновений спустя он тяжело сглатывает, открывает глаза (теперь в них заметен застывший ужас) и снова бросает взгляд внутрь спальни.

— О господи, что здесь произошло? — шепчет он.

Пэтти слышит, как Визневски тяжело вздыхает.

— Положение тел и все остальное — такое, как есть, сэр.

Пэтти набирается мужества и, обойдя своего отца, заглядывает в спальню.

Три трупа.

Кейт — детектив Кэтрин Фентон — лежит на ковре и смотрит невидящим взглядом на потолок. Над ее правым глазом — отверстие от угодившей в голову пули. Отверстие довольно аккуратное, без рваных краев. Из него вытекает лишь тонюсенькая струйка крови. Остальная кровь, которой пропитан ковер под ней и измазаны ее красновато-коричневые волосы, в силу закона гравитации вытекает, по видимому, из выходного отверстия в затылке. Пистолет «Глок» лежит слева от нее, чуть-чуть в стороне от левой ладони.

Пэтти концентрирует внимание на Кейт — но не потому, что никогда не видела трупов (за время службы насмотрелась), и не потому, что ей нравилась Кейт (честно говоря,

совсем не нравилась), а потому, что уж лучше видеть это, чем все остальное — то, что расплывчато захватывается боковым зрением.

На кровати — два трупа. Ее брат Билли и Эми Лентини. Оба голые. Эми — с одной огнестрельной раной в районе сердца. Ее тело вытянуто, а голова почти свалилась с левого края кровати. Позади нее слегка виднеется большое темное пятно — кровь, вытекшая из раны.

А затем...

Билли. Пэтти переводит взгляд на него. Сердце лихорадочно колотится, а все тело охватывает жар. Она не сводит глаз со своего брата-близнеца, сидящего на кровати. По правой части его лица течет кровь, голова наклонена в сторону, а глаза закрыты.

Если не брать в расчет кровь и рану, то могло бы показаться, что он просто спит сидя. Он мог спать в таких позах, в каких у нее, Пэтти, заснуть никогда не получалось. Сон приходил только в том случае, если лежала на боку, зажав какую-нибудь подушку между ног.

А вот Билли мог продряхнуть всю ночь, сидя на стуле или на кровати. Ему удавалось вздремнуть прямо на уроке геометрии, не издавая ни единого звука — не храпя, не сопя и вообще не делая ничего, что могло бы его выдать. Он, в принципе, умел тайком не только спать, но и жить. Он мог что угодно делать тайком — скрывать свои опасения, эмоции, мысли, горести под невозмутимым и добродушным выражением лица. Только она, Пэтти, знала об этой его особенности. Она была единственным человеком, который видел его насквозь.

«Ты всего лишь спишь, Билли. Пожалуйста. Это я, Билли, ну же, проснись. Резко открой глаза и скажи: “Сюрприз!” Пожалуйста, пусть окажется, что ты просто спишь».

— Еще, конечно же, слишком рано делать какие-либо выводы, — говорит Визневски ее отцу, — но очень похоже, что детектив Фентон зашла, увидела их — увидела, чем они занимаются, — и открыла огонь. Билли выстрелил в ответ. Они

убили друг друга. Прямо-таки перестрелка у корраля О-Кей¹ здесь, в спальне.

— О господи.

«Нет, — мысленно возражает Пэтти. — *Здесь произошло совсем не то*».

Ее ноги слабеют, голова кружится. Она чувствует, как чья-то рука тянет ее назад. Это, видимо, рука отца. Однако точно так же, как боялась взглянуть на мертвого Билли, она теперь боится оторвать от него взгляд. Даже еще сильнее.

Отец тянет ее назад и уводит обратно в глубь гостиной. Полицейские прекращают делать то, чем они занимались, и таратаются на отца и дочь, будто эти двое — не люди, а музейные экспонаты.

Мимо Пэтти проходят медики: они направляются в спальню, держа в руках специальные мешки для трупов с застежками-молниями.

Ее брата положат в черный мешок. Эта мысль не укладывается у Пэтти в голове.

— Мы сделаем как положено, — говорит отец всем, кто находится в комнате. — Там — мой сын, да, но он был полицейским. Прежде всего полицейским. И, черт побери, очень даже неплохим. Почтите его память и память детектива Фентон — сделайте все как положено. Именно так, как нужно, ребята. Не допускайте ни малейшей ошибки. Не торопитесь. Приложите максимальные усилия. И дайте мне...

Отец запинается. Все вокруг с очень серьезным видом кивают. В груди у Пэтти жжет так сильно, что трудно дышать.

— Дайте мне разгадку, — заканчивает отец. — Раскройте это преступление.

Внезапно почувствовав приступ клаустрофобии, Пэтти поворачивается и направляется к двери. «*Все неправда, — решает она. — Ничего не происходило*».

— О господи!..

¹ Перестрелка у корраля О-Кей — одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла 26 октября 1881 года. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

Она слышит эти слова, уже подойдя к двери. И произнес их не ее отец. И не кто-то из полицейских, находящихся в гостиной. Слова донеслись из спальни, где сейчас находятся медики. — Есть пульс! — кричит один из них. — Есть пульс! Вот этот еще жив!

ПРОШЛОЕ

3

Детектив Билли Харни потерял ладони. При дыхании изо рта вырывалось и на мгновение зависало в воздухе облачко пара, напоминающее о том, как холодно может быть в Чикаго в середине марта. Сидеть три часа в автомобиле повышенной проходимости — уж слишком долго. Он ненавидел такое вот ведение наблюдения за объектом. Пусть даже в данном случае это была его идея. Ведь именно он занимался этим уголовным делом.

Все началось с убитой студентки, учившейся на предпоследнем курсе в Чикагском университете. В районе вокруг кампуса¹ — районе Гайд-Парк — имелись места, пользующиеся дурной славой, и все сочли, что студентка убита в результате обычного для города проявления насилия. Но они не знали того, что знал Билли — благодаря данным, которые скачал с ее сотового телефона: девушка в свободное время зарабатывала себе на жизнь проституцией. Она работала через какой-то веб-сайт, который исчез из сети буквально на следующий день после ее смерти, но по ее текстовым сообщениям было видно, что у нее имелся один специфический клиент с необычными запросами, который готов платить небольшие деньги за их удовлетворение.

¹ Кампус — территория университета.

Если изложить коротко, то ему нравилось ее душить, когда он занимался с ней сексом.

Он был торговцем — женатым и с детьми, — который зарабатывал за неделю больше, чем Билли за два года. Такой тип вполне мог позволить себе нанять целую армию высококлассных адвокатов, чтобы они защищали его в суде. Билли хотел, чтобы этот мерзавец потерял осторожность, расслабился, и поэтому он распустил слух, что уже задержали какого-то подозреваемого в убийстве студентки и, по мнению полиции, на девушку просто напали в районе Гайд-Парк. Билли стал следить за этим негодяем-торговцем.

Ровно неделю назад в девять часов вечера торговец вошел вон в тот городской особняк, облицованный коричневым песчаником. Билли заснял все на видеокамеру, но, не имея ни малейшего понятия, что же затем происходило внутри, застался. Слегка осмотревшись, он догадался, что в доме располагается дорогой публичный дом.

Поэтому, если предположить, что неприятный тип является постоянным клиентом (а Билли был готов поспорить на немалые деньги, что это именно так), то он должен был прийти сюда и сегодня вечером. План заключался в том, чтобы поймать его с приспущенными штанами и предложить простую сделку: мы не станем арестовывать тебя за то, что прибежал к услугам проституток, если ответишь на несколько вопросов относительно мертвой студентки. Билли вполне мог повернуть это дельце. Всегда лучше начинать задавать вопросы и получать на них ответы в такой ситуации, когда субъект пребывает в ошеломленном состоянии и горит желанием угодить.

Билли оттянул край рукава пальто и посмотрел на часы. Половина девятого. Он подул на ладони, пытаясь их согреть.

— Сош, как там у нас дела? — спросил он по переговорному устройству у Сошиа — полицейского, сидящего сейчас в одном из остальных задействованных полицейских автомобилей — через два дома вниз по улице, к востоку от особняка.

Ответ послышался через беспроводной наушник, вставленный в ухо.

— Готовы, хотим и можем, — сказал Сош. — Точь-в-точь как твоя сестра.

— Моя сестра не стала бы использовать в схватке с тобой шестифутовый шест¹. Не стал бы этого делать и Станисловски.

— А кто он, черт его возьми, этот Станисловски?

— Шестифутовый поляк².

— Харни, сядь обратно в автомобиль.

Эти слова произнесла напарница Билли — Кэтрин Фентон. Она сидела в полицейской машине, стоящей сразу за его автомобилем.

— Сош, как там дела у твоего жуликоватого приятеля? — В паре с Сошиа теперь работал новый детектив — симпатичный молодой парень по фамилии Рейнольдс. — Знаешь, а я сегодня заплатил за его обед.

— Да я, черт возьми, знаю. Он сказал, что положить фасоль пинто на буррито³ — это была твоя идея. И я тут сижу с ним в одном автомобиле уже три часа.

Билли ухмыльнулся. Ведение наблюдения за объектом — *не всегда* очень скучное занятие.

— Эй, Кроули, ты еще не уснул?

Кроули находился вместе с Бенсоном в третьей машине.

— Да уж, тут от скуки можно не только заснуть, но и умереть. Сколько требуется полицейских, чтобы прижучить одного-единственного негодяя?

И Сош, и Кроули оба поднимали этот вопрос. Однако особенно, за которым они сейчас вели наблюдение, находился в весьма престижном районе города — в Голд-Коуст, а потому Билли совсем не хотелось, чтобы были допущены какие-либо ошиб-

¹ Один фут приблизительно равен 30 сантиметрам. В вооруженных силах США военнослужащих обучают использованию шестифутового шеста в рукопашном бою. Такой шест — в виде компонента армейской палатки, ручки швабры или просто случайно найденной очень длинной палки — предполагается использовать в рукопашном бою в крайнем случае, т. е. в ситуации, когда никакого другого оружия под рукой не имеется.

² Слова «шест» и «поляк» по-английски звучат одинаково.

³ Буррито — кукурузная лепешка, свернутая пирожком, с начинкой из жареных бобов; подается с острым соусом; входит в меню многих ресторанов быстрого питания в США.

ки. А еще ему было важно приобщить к данной операции таких мастеров своего дела, как Сош и Кроули.

— Что, Кроули, у тебя есть на примете место поинтереснее, куда ты мог бы пойти? Я знаю, что твоей супруги нет дома, потому что она сейчас в машине с Сошем.

— Ну что ж, тогда и Соша ничего интересного не ждет.

Билли почувствовал, что ужасно замерз. Постоял каких-то десять минут возле машины — и пальцы на ногах уже занемели от холода.

— Эй, Фентон, — обратился он к напарнице. — Как ты называешь проницательного коротышку, которому удается улизнуть от охотящихся за ним полицейских?

Он открыл дверь с пассажирской стороны и залез в теплый салон автомобиля.

Детектив Фентон — Кейт — посмотрела на него искоса.

— Маленький, да удаленький, — пошутил Билли.

Сош обожал это выражение. А вот Кейт оно не очень понравилось.

— Ага. — Билли выпрямился на своем сиденье. — Два часа. Явление первое.

— Верно, — кивнула Кейт и начала вещать в переговорное устройство: — Белый мужчина в коричневом пальто и коричневой кепке движется в сторону севера по Астор-стрит.

«Кэти, — подумал Билли, — всегда такая энергичная, такая рьяная... Вообще-то этот мужчина — единственный, кто сейчас идет по улице, так что ребята, скорее всего, и сами его заметили».

Но он не произнес свои мысли. Попросить Кейт уgomонить-ся — все равно что бросить спичку в лужу бензина.

— Ты увидел его, Кроули?

— Ну да. Он очаровательно улыбается — прямо как специально для снимающей его камеры.

— Я знаю, кто он, — сказала Фентон. — Это парень из того шоу.

— Какого еще шоу?..

— Того шоу — в котором обсуждают фильмы... «В переднем ряду» или что-то в этом роде.

— Ага. — Билли видел это шоу. «В переднем ряду с...». Однако не смог вспомнить имя. — За одно только дурацкое шоу следовало бы его арестовать.

— Да, это... Это он, — сказал Сош. — Брейди Уилсон.

Все напряглись, наблюдая, как кинокритик взбегаёт вверх по ступенькам, ведущим к входной двери особняка. Не успел он нажать на кнопку звонка, как какой-то мужчина в темном костюме открыл дверь и пустил его внутрь.

— Забавно, — сказал Кроули. — Как, по-вашему, он пришел сюда по делам?

— Однозначно, — сказал Билли. — Один парень владеет здесь всеми тремя этажами. Он заявляет, что живет здесь, но с того момента, как я стал вести наблюдение за домом, не заметил, что бы кто-то жил в нем постоянно. Три этажа — значит, примерно восемь или десять комнат.

— Получается, что мы можем попасть на неслабую вечеринку.

— Наверное, нам следовало бы позвонить в отдел нравов¹, — предложил Билли, заранее зная, какую реакцию вызовут его слова.

— К черту отдел нравов, — отмахнулась Кэти. — Это дело — наше.

— О господи, — включился в разговор Сош. — Ну прямо Иисус Христос, только распятый не на кресте, а на палочке для мороженого...

— Что там такое, Сош?

— Вы никогда не поверите, *кто* только что прошел мимо меня. Кроули, ребята, вы там сняли это на видео?

— Вас понял, мы сняли — о пресвятая Богородица...

— Так вы мне скажете или нет?

Билли пожалел, что у него в руках не оказалось какого-нибудь оптического прибора с большим увеличением. Никто же не ожидал, что он может понадобиться. Он поспешно схватил лежащий на заднем сиденье бинокль и навел его на

¹ Отдел нравов — отдел департамента полиции, специализирующийся на борьбе с преступлениями против морали (незаконная торговля спиртным, азартные игры, проституция и т.п.).

ступеньки особняка, по которым медленно шагал по направлению к входной двери некий пожилой мужчина.

— Ну и ну... — присвистнул Билли. — Это случайно не его высокопреосвященство архиепископ Майкл Ксавьер Фелан?

— О боже, вот ведь прохиндей... Ай-ай-ай, какой прохиндей!

Билли не мог понять, взволновал его сей факт или разочаровал. Его напарница Кейт сидела с таким видом, будто приготовилась к самым решительным действиям. Уголовное дело, которым они сейчас занимались, только что обросло новыми пикантными подробностями.

— Сделайте все вдох и выдох, — скомандовал Билли. — Возможно, он идет туда только затем, чтобы выслушать исповеди.

У тротуара напротив особняка остановился черный автомобиль повышенной проходимости, мало чем отличающийся от того, в котором сейчас находился Билли. Насколько Билли смог разглядеть в свой бинокль при уже довольно тусклом освещении, стекла автомобиля были затемнены. И это очень странно, потому что затемненные окна в машинах в этом штате строго-настрого запрещены, если не считать весьма многочисленных исключений.

Исключение составляли, в частности, автомобили, на которых возят высокопоставленных чиновников.

Билли слегка наклонил бинокль, чтобы был виден номерной знак, и снова поднял.

— Вот черт... — выругался он. — Переговорю-ка я, пожалуйста, с Визом.

— Зачем? — Кейт едва не вскочила со своего сиденья.

Билли покачал головой.

— Да затем, — пояснил он. — Только что из той машины вышел мэр Чикаго.

4

Билли сел в автомобиль-седан, находящийся за квартал от места, с которого он вел наблюдение. Внутри сильно пахло сигарным дымом. Визневски всегда носил с собой этот запах.

Виз повернул голову и посмотрел на Билли.

— Сколько их?

— Мы видели, как внутрь зашли двенадцать человек, — ответил Билли. — Все — поодиночке. Складывается впечатление, что их распределили по времени так, чтобы ни один из них не увидел другого. Большие меры предосторожности. Семерых мы идентифицировать не смогли. Один из тех, кого удалось узнать, — мой подозреваемый в убийстве студентки, торговец. Еще один — кинокритик, который ведет шоу на телевидении. Его зовут Брейди Уилсон. Еще один — чернокожий, который, по словам напарника Соша, какой-то там рэпер по имени Шоколад Кью.

— И что, черт возьми, означает это «Кью»?

Билли посмотрел на Виза:

— Когда я его арестую, спрошу.

Визневски потер глаза.

— А ты уверен насчет архиепископа?

— Абсолютно.

— А насчет...

Губы Виза уже сложились, чтобы произнести звук «м», но он не смог заставить себя сказать все слово.

— Это был мэр. Никаких сомнений. Спецгруппа охраны привезла его сюда, но в дом охранники не пошли. Автомобиль припаркован возле перекрестка. У нас сейчас достаточно много людей?

— Десять полицейских готовы прибыть на подмогу, как только я позвоню, — ответил Виз.

Десять плюс шесть детективов — вроде бы должно хватить.

— Нет необходимости это делать, — сказал Визневски. — И ты это знаешь.

Он имел в виду, что Билли не нужно задерживать всех подряд. Вполне можно ограничиться тем, ради чего он сюда прибыл, — арестовать мужчину, подозреваемого в убийстве студентки, — и закрыть глаза на все остальное.

«Эх ты, трусливое дерьмо». Виз всегда думал о будущем, стремился карабкаться вверх по служебной лестнице, затевал на работе какие-то интриги. Билли, конечно же, осознавал,

что арест известных людей может закончиться для него как угодно. Именно мэр назначает суперинтенданта полиции, и последний, видимо, не очень обрадуется скандалу с градоначальником. Если мэр лишится своего кресла, то вслед за ним, вполне вероятно, слетит и он. Билли же может получить золотую звездочку в личное дело — или же, наоборот, его карьера в правоохранительных органах резко завершится. И карьера Виза тоже. Этот инцидент может стать самым лучшим событием в их работе или же, напротив, самым худшим. Такой парень, как Виз, всегда обдумывающий возможные политические последствия, старался избегать подобных рисков.

Но Билли был по своей натуре совсем не таким человеком, как Виз. Для него все было просто. Его деятельность в полиции сводилась к трем словам: «Делай свою работу». Если станешь руководствоваться сторонними соображениями, потеряешь хватку, ибо эти соображения ослабят концентрацию и превратят тебя совсем не в такого полицейского, каким ты должен быть.

«Делай свою работу». У него имелись кое-какие основания полагать, что сейчас совершается преступление, и только это имело значение.

— Ты что, приказываешь мне дать задний ход? — спросил Билли.

— Нет-нет. — Виз провел пальцем линию в воздухе. — Во-все нет.

Во-все нет, ибо для Виза было бы еще хуже, если бы он сказал детективу не проводить расследование преступления, потому что к нему причастен высокопоставленный чиновник. Это могло привести к увольнению со службы, а то и к уголовному преследованию. Виз был слишком осторожным политиканом для того, чтобы позволять чему-нибудь вроде *этого* оказываться в его послужном списке.

— Все, что ты станешь делать начиная с данного момента, будет затем очень внимательно анализироваться, — сказал Виз. — Журналисты, сотрудники отдела внутренних дел полицейского управления Чикаго, адвокаты, прочие заинтере-

сованные лица — все они попытаются смотреть на тебя через увеличительное стекло. Ты же понимаешь, да? Я всего лишь говорю, что лично яотреагирую с пониманием, если ты не захочешь заходить слишком далеко, то есть ограничишься подозреваемым в убийстве и никого другого не станешь трогать. Мы ведь не полицейские из отдела нравов. Арестовывать тех, кто таскается по шлюхам, — в общем-то, не наше дело.

Билли ничего не ответил: он ждал, что еще скажет Виз.

— Если ты сейчас напорочишь, — продолжал коллега, — это может оказаться последним арестом, который ты произведешь. Это может бросить тень на твоего отца. И на сестру. Тебя могут начать поливать всяческой грязью. Тебе это совсем не нужно, Билли. Тебя ведь и так ждет блестящее будущее.

Когда стало ясно, что Виз полностью выговорился, Билли повернулся к нему:

— А теперь я могу делать свою работу?

Виз бросил на него угрюмый взгляд и в знак согласия слегка махнул рукой.

Билли вылез из автомобиля на холодный воздух и направился к особняку.

5

Билли и его напарница — детектив Кейт Фентон — направились к черному автомобилю повышенной проходимости, припаркованному возле перекрестка, — тому самому, в котором сейчас находилась спецгруппа охраны мэра. Билли подошел к нему со стороны водительской двери и показал значок полицейского.

Затемненное стекло опустилось. Из окна машины на детективов посмотрел с недовольным видом крепкий мужчина среднего возраста.

— Вы припарковали автомобиль перед пожарным гидрантом, — уведомил Билли.

— Мы — охранники мэра.

— И потому вам дозволено нарушать правила дорожного движения?

Мужчина едва ли не целую минуту раздумывал, что же ответить.

— Вам нужно, чтобы мы отъехали в сторону?

— Мне *нужно*, чтобы вы и ваши коллеги вышли из машины.

— Почему мы должны выйти из машины?

— Вы должны выйти из машины потому, что вас об этом просит полицейский, — отрезал Билли.

Теперь опустилось затемненное стекло задней — со стороны водителя — двери.

— Моя фамилия — Лэйдис, — представился мужчина, сидящий на заднем сиденье. — Я — бывший сотрудник полицейского управления Чикаго.

— Хорошо. Значит, вы можете объяснить своим друзьям, насколько важно подчиняться законным требованиям полиции.

Хоть и не очень быстро, но все три охранника все-таки вышли из машины.

Билли продолжил разговор с бывшим полицейским по фамилии Лэйдис:

— Как вы связываетесь с мэром? Или как он связывается с вами?

Лэйдису очень не хотелось отвечать на этот вопрос, но пришлось:

— Он два раза нажимает на своем телефоне кнопку со знаком «решетка». Или же мы делаем то же самое.

— А у кого телефон?

Лэйдис посмотрел на своих коллег.

— У нас троих и у мэра.

— Дайте мне ваши телефоны. Вы трое.

— Мы не можем этого сделать.

Билли подошел поближе к Лэйдису.

— Мы собираемся сейчас войти в особняк, — объявил он, — и нам совсем не нужно, чтобы кто-то кого-то об этом предупредил. Отдайте мне телефоны — или я арестую вас за попытку чинить препятствия полиции, за неповиновение полицейскому или еще за что-нибудь, что придет мне в голову, пока мы будем

тащить вас туда, где уже будет стоять в ожидании целая дюжина журналистов.

Лэйдис счел доводы убедительными, а потому он и его коллеги отдали Билли свои телефоны. К автомобилю торопливым шагом подошел молодой полицейский в форме.

— Этот полицейский будет находиться в вашем автомобиле, — предупредил Билли, — и он очень огорчится, если кто-нибудь из вас попытается кому-то что-то сообщить при помощи текстового сообщения, письма по электронной почте, телефонного звонка или каким-либо иным способом. Вы меня поняли?

— Да, я вас понял, — понурился Лэйдис.

— И еще кое-что, — добавил Билли. — Одолжите мне свое пальто...

Билли подошел к особняку, поднявшись по ступенькам, нажал на звонок у входной двери и стал ждать.

— Кто там? — раздался голос из домофона.

— Спецгруппа охраны мэра, — ответил Билли. Он постарался стать так, чтобы эмблему на пальто было видно через все камеры наблюдения, какие здесь только могли быть. — Мне необходимо поговорить с мэром.

— Мэра здесь нет.

— Мы привезли его сюда, болван. Мне нужно с ним поговорить.

В вестибюле зажегся свет. К двери подошел высокий породный мужчина в костюме. Пиджак на его боку топорщился: мужчина был вооружен. И ему, возможно, не понравилось, что его обозвали болваном.

Он приоткрыл дверь.

— Почему бы тогда вам ему не позвонить? — спросил он.

— Понимаете, в этом-то и проблема, — заговорщически сказал Билли, а затем, немного наклонившись, ухватился рукой за край двери и распахнул ее. После этого он сделал шаг вперед и нанес молниеносный удар костяшками согнутых пальцев по незащищенному горлу мужчины. Тот издал сдавленный булькающий звук и тут же утратил способность издавать какие-либо звуки.

— Зеленый свет, зеленый свет, — объявил Билли в микрофон переговорного устройства, прикрепленного к воротнику, после чего схватил мужчину, выпихнул его на лестницу и прижал к перилам, придерживая ногой дверь, чтобы она не закрылась.

Остальные детективы бросились вверх по ступенькам к входу. Вслед за ними туда устремились полицейские в форме.

— Руки — на перила, ноги — в стороны, — приказал Билли своему «подопечному» и передал его одному из полицейских в форме.

— У него ствол на левом бедре, — сообщил он полицейскому и мысленно добавил: «А теперь у него еще и горло болит».

Билли зашел внутрь здания. Освещение было тусклым, а в воздухе пахло ладаном. На второй этаж вела лестница, рядом с которой находилась какая-то дверь — по-видимому, в гардероб. Откуда-то снизу доносились еле слышные звуки музыки — низкие и ритмичные.

— Кроули, — сказал Билли, — проверь первый этаж. Сош...

Из-за виднеющейся прямо впереди портьеры появился мужчина, держащий в руке дробовик¹ стволом вверх. Не успел Билли крикнуть: «Полиция — никому не двигаться!», как к мужчине бросилась Кэти. Она ухватила за ружье, ударила охранника коленкой в пах и, когда он согнулся от боли, долбанула его вторым коленом в бок. Тот, выпустив дробовик, беззвучно рухнул на пол, а Кэти с победоносным видом приподняла отнятое у него оружие.

«Ну да, именно так».

Из-за портьеры выскочил еще один амбал (они появлялись оттуда как клоуны, выходящие из-за занавеса на арену цирка), и опять, прежде чем Билли смог произнести хотя бы слово, Кэти с размаху врезала мужчине прикладом дробовика по лицу и сбила его с ног.

«Не шутите с Кэти».

Билли распределил полицейских, кому куда идти — в комнаты первого этажа или на верхние этажи. Подойдя к лестни-

¹ Дробовик — гладкоствольное огнестрельное оружие, стреляющее, как правило, дробью.

Об авторах

Джеймс Паттерсон получил Литературную премию за выдающиеся заслуги перед Американской литературной ассоциацией при вручении Национальных книжных премий за 2015 год. Он вошел в Книгу рекордов Гиннеса как автор лучших бестселлеров по версии газеты «Нью-Йорк таймс». По всему миру было продано более 325 миллионов экземпляров его книг. Являясь неутомимым борцом за повышение роли книг и чтения, Паттерсон создал новую серию детских книг — «Джимми Паттерсон», — лозунг у которой очень прост: «Мы хотим, чтобы каждый ребенок, который прочтет книгу из серии “Джимми Паттерсон”, попросил дать ему еще одну книгу». Паттерсон подарил более миллиона книг студентам и солдатам и предоставляет средства более чем для четырехсот стипендий студентам, получающим педагогическое образование в двадцати четырех колледжах и университетах. Он также выделил миллионы частным книжным магазинам и школьным библиотекам. Средства, полученные от продаж книг из серии «Джимми Паттерсон», он вкладывает в проекты, направленные на популяризацию чтения.

Дэвид Эллис является судьей апелляционного суда штата Иллинойс и автором девяти книг, в том числе романа «Линия визирования», за который он получил премию Эдгара Аллана По, и романа «Спрятанный человек», за который его выдвигали на Книжную премию газеты «Лос-Анджелес таймс» в 2009 году.

Літературно-художнє видання

ПАТТЕРСОН Джеймс, ЕЛЛІС Девід

Чорна книжка

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Шевчук*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 28.07.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 20,16. Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ПАТТЕРСОН Джеймс, ЭЛЛИС Дэвид

Черная книжка

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Шевчук*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 28.07.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Співробітник поліції Біллі Гарні опиняється на волосину від смерті. Його напарниця та кохана — мертва, а він дивом лишився живим. Гарні звинувачують у вбивстві, та він нічого не пам'ятає. Відчайдушно прагнучи захистити свою честь, Біллі збирає інформацію про той жахливий день. Він хоче зрозуміти, що тоді відбулося, і знайти загадкову чорну книжку...

Паттерсон Дж.

П20 Черная книжка : роман / Джеймс Паттерсон, Дэвид Эллис ; пер. с англ. В. Ковалива. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 384 с.

ISBN 978-617-12-3839-8

ISBN 978-0-316-27388-6 (англ.)

Сотрудник полиции Билли Харни оказывается на волосок от смерти. Его напарница и возлюбленная мертва, а он чудесным образом остался в живых. Харни обвиняют в убийстве, но он ничего не помнит. Отчаянно пытаясь защитить свою честь, Билли собирает информацию о том ужасном дне. Он хочет понять, что же тогда произошло, и найти загадочную черную книжку...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7США)